

УХО

Природа щедро наградила меня большими оттопыренными ушами и украсила нос многочисленными веснушками. Что до веснушек, то они появлялись лишь по весне, а вот уши нравились не только мне.

Некоторые учителя в нашей школе очень любили таскать мальчишек за уши. Надо признаться, что мы были далеко не подарок и могли вывести из равновесия кого угодно, так что таскать было за что. Мои уши знавали пальцы всех трёх учителей, которые грешили этим педагогическим приемом. Я даже с закрытыми глазами мог сразу определить, кто схватил меня за ухо. И дело было совсем не в моей особой проницательности, а в том, что у каждого учителя были свои настолько ярко выраженные индивидуальные особенности хватки, что спутать их было просто невозможно.

Географичка, например, хватала ухо всей пятерней и таскала его туда сюда, так что голова болталась в разные стороны. Но если честно, то было не столько больно, сколько обидно: только ухо натрет до красноты своей ручищей.

В школе были две немки, и обе они таскали учеников за уши; можно подумать, что этот педагогический прием способствовал лучшему усвоению немецкого языка. Элизабет Карловна была настоящей немкой и преподавала классический немецкий язык. Высокая и худая, с позолоченным пенсне на тонком хищном носу, она так сильно сжимала ухо длинными, твердыми, как бамбук, пальцами, что, казалось, сейчас отщипнет кусочек. Но в целом, надо сказать, наказание было ерундовое: щипнет за ухо пару раз и все дела, даже и обижаться не на что.

Вторая немка – Галина Федоровна, или сокращенно Галифе, рыжая молодая женщина, небольшого роста, была очень сильная и цепкая. Пользовалась она особым приёмом: хватала за мочку снизу, зажимая её, как тисками, между большим и указательным пальцами, и резким движением выкручивала ухо вперед и вверх на разрыв. При таком захвате, чтобы сохранить ухо, приходилось вставать на цыпочки, а немка рвала ещё выше, поднимала тебя на носки, как балерину, так что пола под ногами не чувствуешь и практически висишь в воздухе. И тебя в такой позиции ещё волокут по коридору. Причем даже не заорать по-человечески, так как от крика становилось очень больно, и ухо могло свободно оторваться.

Сначала я наблюдал за этой экзекуцией со стороны, но скоро попался и сам. Как-то раз в самом начале урока я о чем-то задумался, и литераторша тут же квалифицировала это как подготовку к очередной хулиганской выходке.

– Вышел бы ты, Белов, в коридор, – ласково попросила она и добавила, – от греха подальше.

– За что? – не понял я.

– Ну, какая тебе разница, выйди и всё! – устало добавила литераторша. – Я по твоим глазам чувствую, что добром это не кончится и все равно гулять тебе в коридоре.

«Действительно, чего тянуть резину?» – подумал я и спокойно вышел из класса.

В коридоре меня ждал замогильный кореш Леха Свист, который был младше меня на два года и всё еще учился чуть ли не в третьем классе. Уж на что меня часто выгоняли с уроков за хулиганство, а его, по-видимому, вообще не пускали в класс, начиная с первого урока. В какое бы время меня

ни выгнали в коридор, Леха был уже там. Ребята шутили, что Леху выгоняют за то, что он – «классовый враг». На мой взгляд, это был очень тихий и я бы даже сказал застенчивый парень. Во всяком случае, ко мне он относился с большим уважением. Я познакомился с Лехой, когда тот был еще в первом классе и выгнанный с уроков бесцельно слонялся по коридору. Чтобы занять первоклашку делом, я послал его в наш класс якобы позвать к телефону географичку Зинаиду Ивановну, которую все ученики за глаза называли просто Фига.

«Ты поклонись и вежливо скажи: здравствуйте, Фига Ивановна, вас вызывают к телефону в кабинет директора», – подучил я Леху.

Зинаида орала на всю школу и чуть не оторвала Леньке ухо. Конечно, я понимал, что в некотором роде подставил Леху и был потрясен тем, что он меня не выдал и не опознал при очной ставке в канцелярии. С тех пор у нас завязалась крепкая коридорная дружба. Как-то через несколько лет мы случайно встретились в перерыве между его отсидками. Узнав, что я учусь в университете, Леха страшно обрадовался и признался, что всегда гордился мной как своим учителем. Он повествовал, что в детской колонии, а потом в лагере очень часто рассказывал обо мне своим корешам, и они искренне жалели, что я не вместе с ними... сижу на нарах. Так судьба разводит людей, которые могли бы стать добрыми друзьями.

Наказывали Леху покруче, чем меня, и чаще, потому что он попадался сразу, как только совершал что-то недозволенное. Били его дома так, что не всякий и выдержит. Доставалось Лехе даже от соседки по коммунальной квартире, у которой он пил бульон прямо из кастрюли. Соседка это заподозрила и стала замерять уровень жидкости в кастрюле специальной палочкой. Но Леха ухитрился для компенсации нанесенного ущерба добавлять в бульон сырой воды из под крана. Вот за этим занятием его однажды и застукала соседка и так нещадно отлупила мокрым полотенцем по голове, что чуть не выбила глаз.

Леха рассказал мне, как недавно попался рыжей немке в руки за какую-то ерунду. Она схватила его за ухо и потащила с третьего этажа на первый в канцелярию. Но директрисы не было на месте, и она поволокла Леху обратно на третий этаж и поставила в угол в своем классе. Свист повествовал, что так больно ему еще никогда не было.

Я предложил немедленно заделать немке «жирафу» – хохму, не требующую особой подготовки. Мы подошли к классу, где у немки проходил урок. Леха встал у дверей, и я залез ему на плечи. Слегка приоткрыв скрипучую дверь, я просунул голову в щель у самой притолоки. Обычно, когда открывается высокая дверь, все ожидают увидеть человека внизу, а когда голова появляется чуть ли не под потолком, наступает легкое оцепенение. В этот момент Свист по моей команде просунул в щель ногу и энергично болтал носком ботинка.

Конечно, некоторым сразу было не сообразить, что голова вверху и нога внизу принадлежат разным людям, и у них складывалось ощущение знакомства с гигантом – этаким Дядей Степой (О, небо! Как я мечтал иметь такой рост и ходить по коридору на переменах, словно жираф в зоопарке. Вот, была бы потеха!).

Но так случилось, что немка стояла около самых дверей, прислонившись спиной к стене. Неожиданно обнаружив ее рядом, я крикнул:

– Атас!

Леха выскочил из-под меня, и я рухнул на пол. Немка выбежала из класса и бросилась ко мне. Свист на первой космической скорости улетел в

мужской туалет, где у него было заранее приоткрыто окно, чтобы можно было в случае опасности быстро спуститься по водосточной трубе на первый этаж. В прошлый раз немка загнала его в туалет и там поймала.

Я лежал на полу, когда немка схватила меня за ухо, вывернула его и дернула на себя так, что мое тело взлетело вверх. Только сила земного тяготения помешала мне зависнуть в воздухе. По рассказам я знал, что это очень больно, но не подозревал, что до такой степени. Или Свист явно преуменьшил ее способности, или немка старалась для меня специально. Больно было так, что хоть караул кричи, а перед глазами даже появились красные мигающие пятнышки.

На носочках, не чувствуя пола, я засеменял за немкой в канцелярию и, проклиная длину коридора, первый раз пожалел, что мы учимся на третьем этаже, а не на первом. А если в канцелярии никого не будет и немка захочет тащить меня назад? А если приспичит чихнуть? Тогда ухо точно оторвется.

Всё плохое, как и хорошее, когда-нибудь кончается, и мы, наконец, очутились в родной канцелярии. Директриса оказалась на месте и немка, вытолкнув меня на ковер перед столом, кратко рассказала, в чем я виноват. Топая каблуками туфель, она ушла «сеять разумное, доброе, вечное» на немецком языке.

Директриса с сочувствием посмотрела на мое побелевшее ухо, но ругаться не стала, а отпустила назад в коридор, так как собралась пить чай.

Я вышел из канцелярии. Ухо горело как отмороженное. Навстречу попался Леха, который из окна благополучно спустился по водосточной трубе на первый этаж. Увидев мое ухо, он искренне огорчился, и я еще больше его зауважал как человека, умеющего сопереживать чужую боль. Я подробно рассказал Лехе, что надо сделать, чтобы навсегда отучить немку от дурной привычки таскать учеников за уши.

Мы понимали, что физические наказания необходимы и даже полезны, но только в разумных гомеопатических дозах. Уж лучше пусть оттаскают за уши, чем нудные педсоветы при участии родителей с долгими и нудными душеспасительными беседами, после которых дома все равно ожидала хорошая порка. Поэтому на немку мы были не в обиде и знали, что так больно она делает по своей горячности, не соображая и не соизмеряя силу. Зато отходила она за пару часов и никогда не злобничала как некоторые тихони-преподаватели, которые готовы были тянуть из тебя жилы месяцами.

Но меру, конечно, надо знать. И в этом мы должны были немке помочь!

На другой день мы с Лехой сделали немке «жирафу на бис», но теперь я уже сам аккуратно прыгнул с его плеч на пол и спокойно дал разъяренной немке схватить себя за ухо. Но она так сильно рванула ухо вверх, что у меня из головы чуть не вылетели все благие намерения. Превозмогая слепящую боль, я ковылял по коридору, стараясь не тянуться кверху и не вставать на цыпочки. Мы шли с ней нога в ногу. В подходящий момент я сбил шаг и совершенно случайно наступил каблуком на носок туфли учительницы. Немка громко вскрикнула. В коридор высыпал почти весь её класс. Ребята были уверены, что это закричал я, когда она оторвала мне ухо.

– Ich bedauere sehr! – скромно извинился.

Завывая, немка прыгала на одной ноге, схватив другую руками. На всякий случай я отбежал на несколько шагов, так как попасться ей сейчас в руки, хотя бы на секунду, значило наверняка потерять ухо. Когда боль у немки немного поутихла она, закусив губу, покачалась с ноги на ногу, и вдруг неожиданно рванула ко мне, но я был начеку и благополучно отскочил в сторону. Бегала немка со страшной силой и в закрытом

помещении могла настичь любого мальчишку. Еще минуту назад у нас были, по крайней мере, равные шансы, но теперь ей было «слабо» меня догнать.

Поняв это, немка решительно направилась в канцелярию, прихрамывая и громко притопывая как «Баба-яга костяная нога». Я поплелся следом за ней.

Директриса в случайность не поверила, и педагогическое чутье ее не обмануло.

На другой день натренированный мной Леха наступил немке на другую ногу, и она осознала, что с нашими ушами поступала нехорошо и больше так никогда не делала.